

— Ты любишь меня, А-Лин.

Неудача.

— Твоё сердце принадлежит Юэ Чжао.

Неудача.

— Я твой супруг.

Неудача.

— Я твой возлюбленный.

Неудача.

В крошечной тьме лишь Юэ Чжао излучал слабое, призрачное сияние. На нём было белоснежное одеяние божества, подол которого соткали четыре времени года, а ворот украшали солнце и луна.

Обычно кроткий, исполненный божественного милосердия, сейчас он сидел на коленях, и в его взоре сквозило безумное, пугающее упрямство.

Лингуан лежал, положив голову ему на колени. Длинные, изогнутые ресницы прикрывали его прекрасные глаза; выразительное лицо сейчас дышало безмятежностью и мягкостью, а яркие губы казались нежными, манящими.

Юэ Чжао склонился над ним. Стоило опуститься ещё на ничтожную долю дюйма — и их губы соприкоснулись бы в самом интимном, желанном поцелуе.

Но разум бога давно поглотило безумие. Ослеплённый навязчивой идеей, он лихорадочно шептал, словно в бреду.

Сначала он умолял Лингуана полюбить его, ответить взаимностью. Теперь же, готовый довольствоваться малым, он жаждал связать их узами хотя бы формально — пусть без страсти, пусть без ответной нежности, лишь бы быть вместе.

Но череда непрекращающихся неудач заставила его зрачки дрогнуть. Глаза бога наводнили слёзы. Длинные серебристые волосы, подобные зыбкому лунному свету на воде, заструились

вниз, мягко укрывая лицо спящего.

Под этой серебряной завесой в его обычно кротких, ланьих глазах вспыхнула бездонная, ядовитая зависть.

— Как же я завидую... — прошептал он, притираясь щекой к щеке Лингуана. На его лице не было и тени улыбки. — Я так завидую, А-Лин. Спаси меня ещё раз. Молю тебя, спаси...

Взгляд Юэ Чжао остекленел от фанатичной одержимости. Божественное бесстрашие исказилось, превращаясь в жестокость. Он медленно, не отрывая заворожённого взора от лица Лингуана, протянул к нему руку.

— Пусть ты не любишь меня, пусть твоё сердце глухо. Но ты привыкнешь ко мне. Ты будешь рядом, зная о моей любви, станешь прощать мои слабости и позволишь мне быть твоей тенью.

Этого ему было достаточно.

Ладонь Юэ Чжао озарилась мягким божественным светом. Пряди чистой духовной энергии сплелись воедино, готовые проникнуть в сознание Лингуана, чтобы исказить, переписать его волю.

Сила скользнула к самой душе спящего, но в следующее мгновение с сухим треском взорвалась прямо в руке Юэ Чжао. Он резко отпрянул, судорожно прижав ладонь к груди. На коже остался уродливый, багровый ожог.

И снова крах.

Но почему?! Почему Е Линю прощалось всё? Почему тот получал всю его снисходительность и нежность?

За какие заслуги?

Потому что он могущественнее?

Или потому, что он способен вернуть А-Лину его погибшего супруга?

— Почему Е Линю дозволено всё, а мне закрыта даже эта малость?! — Юэ Чжао окончательно потерял рассудок. Обезумев от ярости, он вонзил зубы в собственную руку, с мясом сдирая сияющие чешуйки. — Я тоже могу быть Е Линем! Ведь мы с ним — одно целое! Взгляни на меня, А-Лин! Ну же, посмотри на меня!

Окровавленные чешуйки с тихим шелестом сыпались на пол, быстро складываясь в багряную горку. Его белоснежные ризы промокли от собственной божественной крови, но Юэ Чжао, словно не чувствуя боли, продолжал методично, с леденящим душу равнодушием срывать чешую с предплечий.

Глядя на то, как раны тут же затягиваются новой чешуёй, он разразился хриплым, жутким смехом:

— Кажется, я понял.

— А-Лин, твой супруг не умер, — прошептал он, низко склоняясь. Мокрые шёлковые пряди упали на лицо Лингуана.

Но стоило богу произнести эти слова, как его чистые серебряные волосы начали темнеть, наливаясь смоляной чернотой греха. Вся его накопленная злоба и скверна обратились в кандалы проклятия, которые с сухим треском обвили его тело, стягивая горло мёртвой петлёй.

Не обращая внимания на удушье, он продолжал беззвучно смеяться:

— Он просто потерял память. Но он уже вернулся к тебе. Твой муж — это Юэ Чжао.

Божественная сила безмолвно скользнула в глубины сознания Лингуана, растворяясь в его разуме.

На этот раз у Юэ Чжао всё получилось.

Он замер в оцепенении. Медленно, словно не веря себе, он опустил взгляд. Его глаза, налитые кровью, оказались у самого лица Лингуана. Голос сорвался на хриплый шёпот:

— Вышло... Получилось...

Казалось бы, он должен радоваться триумфу, но смех Юэ Чжао внезапно оборвался. Схватившись за грудь, он задохнулся от невыносимой боли и согнулся пополам. Всё его тело сотрясала крупная дрожь.

«Я так завидую... Завидую, завидую, завидую! Схожу с ума от зависти... А-Лин, моё сердце разрывается. Я сейчас умру от этой ревности».

— Система, — хрипло позвал он, упираясь лбом в пол. — В моей власти все миры, у меня есть семь пространств-испытаний, мои последователи неисчислимы, я владею всем, чем только можно... Так скажи мне, в чём я уступаю Е Линю?

[Хозяин, Е Линь — это вы!]

— И всё же я проиграл ему, — пробормотал Юэ Чжао, бессильно распластавшись на полу. Он судорожно впился пальцами в каменные плиты, ломая и срывая ногти до мяса. — Всё, чего я так отчаянно пытался добиться и терпел крах, он получил без усилий. А мой единственный успех... обусловлен не моей силой, а твоей слепой преданностью ему. А-Лин... ты слишком, слишком сильно любишь своего покойного мужа.

Его пальцы скребли пол, оставляя за собой густые кровавые разводы, а проступившие кандалы проклятия выглядели уродливо и грязно.

Его любовь давно превратилась в неизлечимый недуг, ввевшийся в самую плоть. Она свилась воедино с мерзкими чёрными кандалами, оплетая каждую кость, проникая в спинной мозг.

Преданный и разгневанный человеческий род, чьи судьбы он когда-то вершил ради забавы, восстал, навлекая на своего бога вечное проклятие греха. Но если грехом считалась и его слепая страсть к чужому мужу, то Юэ Чжао давно заслуживал худшей из преисподних.

Порочная, безумная любовь проросла сквозь кости и распустилась пышным цветом прямо на его израненном, осквернённом теле.

«Я люблю тебя, А-Лин».

«Я боготворю тебя, А-Лин».

«А-Лин».

«А-Лин...»

Душа Лингуана, сжавшись в крохотный комочек, погрузилась на самое дно его подсознания.

Когда он снова открыл глаза, то обнаружил, что лежит в своей постели. Голова раскалывалась от тупой боли. Разум был абсолютно чист, мысли путались. Он долго смотрел в потолок бессмысленным взором, прежде чем вяло приподняться и сесть.

Он долго сидел, привалившись к изголовью, пытаясь собрать мысли воедино. Его блуждающий взгляд скользнул в угол комнаты, где когда-то стоял поминальный алтарь его покойного супруга. Сейчас там было пусто — все таблички с именами и курильницы бережно убрали.

И тут Лингуан наконец вспомнил то, что ускользало от него.

Его супруг, Ао Цин. Его единственная любовь.

Преодолев бездну в тысячи лет, он наконец-то вернулся к нему.

При одной мысли об этом уголки губ Лингуана дрогнули, и на его лице расцвела яркая, торжествующая улыбка.

Он торопливо поднялся с постели и по старой привычке потянулся к благовониям, чтобы зажечь три поминальные палочки. Огонёк срывался раз за разом, и только тогда Лингуан заметил, как сильно у него дрожат руки.

Глядя на тонкую струйку серого дыма, медленно поднимающуюся к потолку, Лингуан тихо усмехнулся собственной глупости:

— Он ведь уже вернулся, а я всё никак не избавлюсь от этих дурацких привычек.

«Главное — не напугать Юэ Чжао, ведь он пока ничего не знает и не помнит».

Думая об этом, Лингуан всё больше тревожился. Ему нестерпимо хотелось увидеть Юэ Чжао, чтобы доказать, что Ао Цин действительно вернулся.

Сердце забилося чаще, его охватило непреодолимое нетерпение. Ему нужно было немедленно увидеть Юэ Чжао, чтобы окончательно поверить в чудо: Ао Цин действительно здесь, рядом с ним.

Но в то же время ему хотелось предстать перед возлюбленным во всём великолепии. Он долго и придирчиво перебирал гардероб, пока не остановился на белоснежной рубашке. Проходя мимо витрины с аксессуарами, он замялся и выбрал изящную брошь в виде цветка, которую прикрепил к кожаной португее.

Обычно равнодушный к побрякушкам, на этот раз Лингуан достал серьги из чистой бирюзы в форме драконов. Камни были безупречны — время не тронуло их глубокий, насыщенный зелёный цвет.

Отражение в зеркале радовало глаз: высокий рост, длинные стройные ноги, идеально выглаженная рубашка и плотно облегающие брюки подчёркивали его превосходное телосложение.

Многослойные кружева на воротнике придавали его облику аристократическое изящество. В сочетании с брошью и серьгами этот красноволосый юноша, обув высокие кожаные сапоги,

вполне мог сойти за почётного гостя на закрытом светском приёме, привыкшего купаться в лучах славы и приковывать к себе восхищённые взгляды.

Когда он распахнул дверь, яркий солнечный свет из панорамного окна хлынул ему навстречу, окутав фигуру сияющим ореолом. В этот миг Лингуан казался сошедшим с небес божественным посланником — гордым, ослепительным и невероятно прекрасным.

— Юэ Чжао!

Лингуан позвал его, едва ступив на лестничную площадку второго этажа.

Поскольку Юэ Чжао стёр его вчерашние воспоминания, Лингуан ожидал, как обычно, застать его за хлопотами на кухне.

Однако тот неподвижно сидел в гостиной на диване. Услышав голос, он медленно, словно в прострации, поднял голову.

Лингуан сидел на перилах лестницы, небрежно закинув ногу на ногу. Его изящные сапоги, украшенные гравировкой и декоративными шестерёнками, поблёскивали в лучах солнца. Он слегка приподнял подбородок, подставив лицо дневному свету, — гордый и величественный, словно принц из древних преданий.

— Ты чего тут сидишь? — спросил Лингуан.

Юэ Чжао судорожно сжимал кулаки. Его одежда была в полном беспорядке, глаза покраснели от слёз, а взгляд казался пустым и потерянным.

Настоящий несчастный ребёнок.

Да и кем ещё он был, как не жертвой? Несчастливым богом, которого предали собственные почитатели, оставив наедине с удушающим грузом проклятий.

Лингуан легко соскользнул с перил, бесшумно спружинил на пол и подошёл к нему.

— Ну-ка, покажи мне руки, — потребовал он властным, не терпящим возражений тоном, в котором сквозило скрытое беспокойство.

Юэ Чжао подчинился инстинктивно, но, спохватившись, попытался спрятать ладони за спину. Однако Лингуан крепко перехватил его запястья и силой разжал окровавленные пальцы.

В этот момент Лингуан впервые по-настоящему заметил, насколько изящны руки этого бога.

Длинные, тонкие и благородно бледные пальцы идеально подошли бы искусному музыканту.

Но теперь на них не осталось ногтей — наружу сияло содранное до костей, сочащееся кровью мясо.

Юэ Чжао сидел, низко опустив голову, и продолжал упрямо ковырять изувеченные пальцы. Он сдирал кожу и плакал, содрогаясь от безмолвных рыданий. Дурак, какой же дурак.

Лингуан мгновенно переменился в лице. Он сухо скомандовал домашнему ИИ принести медицинский регенератор.

Заметив, что Юэ Чжао снова пытается вырваться, он прижал его руки к своим коленям. Его взгляд стал острым и холодным, как лезвие клинка:

— Кто это сделал? Тебя кто-то обидел? Зачем ты калечишь себя?!

Тот лишь упрямо отвёл глаза и покачал головой:

— Мне просто... очень грустно.

В его ланьих глазах до сих пор дрожали слёзы, но он выдавил слабую, кроткую улыбку, словно пытаясь подбодрить Лингуана:

— Всё в порядке. Скоро пройдёт, правда.

— Почему тебе грустно? — продолжал допытываться Лингуан.

Юэ Чжао едва слышно прошептал:

— Потому что... я очень люблю А-Лина.

— Что? — Лингуан опешил, на секунду растерявшись от неожиданного признания.

В чистых, янтарных глазах бога снова вспыхнули слёзы. Не отрывая от Лингуана преданного, тоскливого взгляда, он тихо всхлипнул:

— Я люблю... так сильно люблю тебя, А-Лин. Но ты никогда не полюбишь меня в ответ. Мне так больно от этого... А-Лин... А-Лин...

Он плакал навзрыд, его затуманенный слезами взор окончательно утратил былой блеск. Его

безутешные рыдания заставили Лингуана вспыхнуть от досады и злости на самого себя.

— Раз я тебе нравлюсь, почему нельзя было сказать об этом прямо?! Зачем нужно было доводить себя до такого состояния? Ты что, совсем круглый дурак?! — Лингуан окончательно вскипел. Ругаясь на чём свет стоит, он бережно приложил регенератор к его истерзанным пальцам.

Юэ Чжао удивлённо моргнул, на его лице отразилось детское недоумение:

— Но... ты ведь сам говорил, что не любишь меня. Ты любишь своего покойного мужа, А-Лин. А меня — нет.

«...»

Лингуан мысленно выругался. Он и представить не мог, что его собственная ложь так жестоко ударит по нему самому.

— Ну всё, глупый. Теперь я люблю тебя, — неловко попытался успокоить его Лингуан, сглаживая углы.

— Только меня? — с надеждой спросил Юэ Чжао, шмыгая носом.

— Только тебя.

— И это не из-за твоего покойного супруга?

— Конечно нет, — без тени смущения солгал Лингуан.

Он бережно остановил кровь на его израненных пальцах, аккуратно нанёс целебную мазь и забинтовал их. Закончив, он начал неторопливо собирать разбросанные медицинские инструменты.

«... Лжец».

Едва различимый шёпот сорвался с губ Юэ Чжао.

Лингуан резко вскинул голову, но Юэ Чжао смотрел на него с таким кротким и невинным видом, что юноша списал всё на игру воображения.

Однако стоило Лингуану отвернуться, как с лица Юэ Чжао мгновенно спала маска покорности. Его взор обледенел, а губы искривились в хищной усмешке.

«А-Лин, а ты умеешь быть убедительным».

Прежде чем Лингуан успел выпрямиться, Юэ Чжао рванулся вперёд и крепко обхватил его руками за талию. Не удержав баланса, они оба повалились на мягкий диван.

Юэ Чжао уткнулся лицом в изгиб его шеи. Смоляные чёрные и огненно-рыжие пряди переплелись на подушках. Он медленно водил носом по нежной коже, оставляя едва ощутимые, дразнящие укусы.

Его прикосновения были навязчивыми, собственническими; горячие поцелуи обжигали шею и ключицы. Юэ Чжао приподнял голову, заглядывая Лингуану в глаза со своей привычной невинной грацией.

Но в его жестах больше не осталось прежней робости — лишь непреклонная, властная сила. Мягко, но крепко зажав подбородок Лингуана ладонью, он повернул его лицо к себе и вкрадчиво спросил:

— Поцелуешь меня?

Лингуан едва заметно кивнул, и Юэ Чжао тут же накрыл его губы глубоким, жадным поцелуем.

Их горячее дыхание смешалось. В этот миг Юэ Чжао наконец получил то, к чему так безумно стремился.

Юэ Чжао тихо, хрипло рассмеялся, ласково поглаживая его челюсть. Его потемневшие глаза горели опасным, пугающим пламенем:

— А-Лин, твоё признание я запомню на всю жизнь.

«До самого моего последнего вздоха ты будешь принадлежать только мне».

«Я никогда не уступлю тебя ни Е Линю, ни кому-либо ещё в этой вселенной».

<http://bllate.org/book/20308/2214807>